

Пропив три дня горькое лекарство, наконец настало время ехать в деревню Маэр к Ма Ху-цзы на повторный осмотр. Утром, после завтрака, они вдвоём отправились в путь.

Хо Лин заметил, что гер идёт рядом, всего в полушаге от него, а не таится позади, опустив голову. По сравнению с прошлым днём они явно сблизились. Он понимал, что такие вещи нельзя торопить: когда двух незнакомых людей внезапно соединяют вместе, не только Янь Ци, но и он сам, прямолинейный и грубоватый, иной раз не знал, как себя вести.

Перед ним будто шёл лесной заяц: с виду спокойно, но внутри натянутая струна не отпускала ни на миг. Хо Лин и не думал загонять его в угол. Вот уже три ночи они делили один кан, но укрывались разными одеялами.

— Деревня Маэр недалеко, — сказал он. — Нам не к спеху, пойдём тихим шагом.

В прошлый раз пришлось одалживать бычью повозку, потому что Янь Ци и шагу ступить не мог. Но часто брать чужую скотину нехорошо: животное дорого, каждая семья его бережёт, за каждый раз остаётся долг.

Янь Ци и сам не думал, будто каждый раз в дорогу можно ездить на телеге, это ведь привилегии богатого дома. Деревенские давно привыкли, что куда ни пойдёшь, всё на своих двоих: не то что три четверти часа до уездного города добраться пешком; иной раз и два-три часа пути можно одолеть, если жалко тратить деньги.

— Угу, вдвоём в пути и за разговорами, так и дойдём, — сказал он.

Хо Лин, услышав это, на миг задумался: так ведь и у меня теперь спутник появился. Вот почему старший брат после свадьбы целыми днями лыбился, а невестка ворчала, будто он совсем дурачком сделался. Выходит, жениться - дело хорошее.

Раз уж они выходили из деревни, Хо Лин не шёл с пустыми руками: нарочно взял два домашних бутылки и мешок конопляного семени — хотел в деревне Маэр занести на маслобойню, выжать немного масла для ламп.

Конопляное семя — это семена дикорастущей конопли. Растение это встречается всюду: и само по себе вырастает, и у каждой семьи у межи нарочно высажено, всё равно зовут «дикая конопля». Из семян давят масло, а из стебля добывают волокно и крутят верёвки, без этого в хозяйстве никак.

Из цзиня конопляного семени обычно выходит три ляна масла, а цзиня масла, если жечь бережно, хватает на месяц. В самый раз: и в горах, и в деревне масло подходило к концу. Накануне братья Хо нарочно взвесили в кладовой десять цзиней семян, весь прошлогодний осенний сбор, отложенный про запас. Если выжать сразу побольше, то еще долго не придётся ходить, особенно Хо Лину, ведь ему приходится носить масло с подножия горы наверх.

Ранним утром на деревенской дороге было почти пусто: изредка встретится какой мужик с вёдрами за водой, в каждом доме с зари вода нужна и для еды, и для хозяйства. Все спешат, с Хо Лином перекинутся кивком-другим и дальше бегом; под деревьями никто не стоял с праздными разговорами, отчего Янь Ци наконец выдохнул с облегчением.

С тех пор как он вошёл в дом Хо, прошло три дня, всё это время он только лечился: отвар выпьешь и тянет в сон, никуда вовсе не выйдешь. Сегодня, идя в дорогу подальше, он уже заранее приготовился к тому, что деревенские станут его разглядывать и обсуждать. Но, к счастью, пока встречаться ни с кем не приходилось.

Хо Лин жил на восточной окраине деревни; дойдя до западной стороны деревни, он вдруг кивнул на один двор:

— Вот это дом Лин. Запомни ворота: потом и к тому геру Сяо в гости ходить будет удобнее.

Янь Ци невольно огляделся по сторонам, стараясь как следует запомнить место. Этот двор легко было отличить: у семьи Лин жизнь была не богатой. Если у многих семей в деревне крыши домов уже были выложены черепицей, неважно новой или старой, то здесь по-прежнему лежала соломенная.

Хо Лин заметил, что Янь Ци, уже пройдя мимо, всё ещё оборачивается. Видно, с Сяо Минмином он ладил неплохо. Потому Хо Лин нарочно сказал больше о семье Лин, чтобы тот был спокоен.

— Лин Чансуй человек прямой и честный, — сказал он. — Разве что говорит не слишком ловко, а в остальном надёжен.

Затем он поведал и о прошлых невзгодах семьи Лин:

— Отец его при жизни был пьяница. Стоило влить несколько кружек пойла, и забывал, как зовут. То жену поколотит, то детей, всё добро пропил до последней рубахи. А потом и вовсе допился до смерти. Чтобы лечить его, семья и последние участки земли продала. Но уж как его не стало, жизнь у них сразу наладилась, тихая да ровная пошла.

В обычные дни Лин Чансуй вместе с матерью обрабатывал землю, а в пору сельского затишья ходил в город на подёнщину. Жили они бережливо, расходов почти не имели; если выдержат ещё несколько лет и немного окрепнут, их жизнь, несомненно, станет заметно легче.

Выслушав это, Янь Ци почувствовал, как с души свалился груз. Он и сам считал встречу с Хо Лином удачей судьбы и искренне надеялся, что и Сяо Минмину достанется добрый муж, тогда они вдвоём смогут поддерживать друг друга здесь. Ведь у обоих не осталось родных, и невольно они становились друг другу словно родней по материнской линии.

— Пьянство — это гибель, — заговорил Янь Ци. — У нас в деревне тоже жил старик, что без вина не мог прожить ни дня. Лицо его всё время было красное от хмеля. Его гер больше не вытерпел, взял ребёнка и ушёл, в конце концов даже снова вышел замуж. А старик после того и вовсе пропал.

Редко когда Янь Ци сам начинал разговор, потому Хо Лин не удержался от вопроса:

— Как же он пропал?

Янь Ци припомнил и ответил:

— Это было наутро после сильного ливня. Дорогу размыло, вся в грязи и лужах. Он напился, оступился и свалился в одну из таких луж. Упал лицом вниз и захлебнулся. А ведь я потом осмелился сходить и посмотреть: та лужа была не глубже колена. Казалось бы, как можно там утонуть?

Видно, уж если человеку суждено попасть в беду, то ее не миновать никакими путями.

Хо Лин, выслушав, сказал:

— У меня привычки пить нет. Бывает, по случаю в хорошее настроение пригублю немного, но не напиваюсь. А уж перед тем как идти в горы — ни капли. Так что можешь быть спокоен.

Эти слова пришлись Янь Ци как раз по душе. С малых лет, после того случая с односельчанином, он относился к вину настороженно. Когда в доме старшие на праздники брали вино, обязательно заранее варили похмельный отвар, лишь бы не навлекло беды.

— Почти все мужчины любят выпить, — тихо заметил он. — Лишь бы знали меру.

В его глазах вино и вправду не стоило того. Ведь оно варится из зерна, куда разумнее на те деньги лишний раз купить крупы. Он однажды ради любопытства макнул кончик палочки в вино гаоян и попробовал: в горле жгло, проглотил — жар пошёл прямо в темя, слёзы брызнули из глаз. Пить это было совсем не вкусно.

Но вслух Янь Ци больше не стал говорить, боялся, что это прозвучит так, будто он собирается поучать Хо Лина, а вызывать раздражение мужа не хотелось.

Хо Лин же выглядел довольным и даже добавил:

— Ну да, буду слушать тебя.

Когда они дошли до выхода из деревни, впереди показались несколько человек с корзинами за плечами — они гурьбой шли на поле собирать дикие травы. Среди них были и женщины, и геры; шли по двое-трое, разговаривали весело. Будь Хо Лин один, он бы по своей привычке прошёл молча, не останавливаясь. Но рядом с ним был Янь Ци, потому разговоров избежать не удалось, и его окликнули.

— Хо-эр, куда это ты с утра пораньше?

Хо Лин обернулся: это была невестка Хунмэй из семьи Ци. Она часто сидела с Е Супин за рукоделием, отношения у них близкие. Он поднял мешочек, что нёс в руке, и слегка потряс.

— В доме масло на исходе, так что с утра решил сходить в деревню Маэр, надавить масла для ламп.

По сравнению с Ци Хунмэй стоявшая рядом другая женщина не сводила глаз с Янь Ци: разглядывала его сверху донизу, словно никак не могла насмотреться.

— Это и есть гер Ци? Уже несколько дней в деревне, а ты, парнишка, так его припрятал, что мы до сих пор его не видели.

— Он себя плохо чувствовал, болел, — ответил Хо Лин. — Вот только сегодня смотрю, что день ясный, взял его с собой в Маэр, чтобы дорогу запомнил.

Хо Лин не стал упоминать, что ведёт Янь Ци к врачу: с посторонними он всегда говорил как можно меньше. Иначе и догадаться нельзя, во что обернётся твоя фраза, когда её перескажут чужие языки.

Янь Ци вежливо поздоровался со встречными. Хоть и не знал их по именам, но «сёстры-невестки» слово беспроегрышное.

Заговорившая прежде женщина была не кто иная, как Цзинь-ши, младшая золовка Ци Хунмэй. Когда-то она пыталась сосватать Хо Лину невесту, да дело так и не вышло. Чтобы та не пустилась сейчас в новые намёки, Ци Хунмэй поспешила вмешаться:

— Вы уж идите скорее, не задерживайтесь. Если придёте в маслобойню поздно, кто-то займёт очередь, и ждать придётся куда дольше.

На том и разошлись. Когда Хо Лин с Янь Ци скрылись из виду, Цзинь-ши, не удержавшись, кивнула в их сторону:

— Сестра, ты только глянь — на нём совсем новый наряд. Второй Хо и вправду денег не пожалел.

И добавила с усмешкой:

— А ведь Янь-гер выглядит больным да хилым. Даже в дом ещё толком не вошёл, а уже лечится. Кто поверит, что они пошли в деревню Маэр лишь масло давить? Скорее всего, всё же к Ма Ху-цзы.

Она несколько раз цокнула языком.

— Думала, у Второго Хо глаз наметанный, а вышло что? Дотянул до нынешнего дня и выбрал себе такого вот.

В своё время Цзинь-ши пыталась сосватать Хо Лину гера из рода своего дяди по линии матери. Как она ни расхваливала: мол, Хо Лин зарабатывает немало, в их доме чуть ли не каждый месяц варят мясо, даже собака гложет кости, дядя всё равно не согласился. Ещё и укорил её: мол, какой же это выбор – мужик, что бродит по горам? Разве это забота о судьбе двоюродного брата? Тогда Цзинь-ши чуть не лопнула от злости.

Но человек, как водится, всегда тянет одеяло на сторону родни. Случилось так, что теперь, два года спустя, она глядела на Янь Ци: на вид совсем не примечательный гер, а вошёл в дом Хо и уже щеголяет в новой одежде. И Цзинь-ши вовсе не думала о том, что её дядя упустил удачную партию, нет, она просто позавидовала Янь Ци.

Ци Хунмэй даже бровью не повела, отрезала ровным тоном:

— Не твои деньги потрачены, не твоя ткань отрезана. Зачем тебе вмешиваться?

Цзинь-ши лишь фыркнула, собираясь возразить, но взгляд её упал на зелёный кустик одуванчика, и она вмиг забыла и про Второго Хо, и про его нового гера.

— Сестра, гляди скорее!

В её мире не было дела важнее весеннего сбора диких трав.

А в это время с другой стороны...

Хо Лин и Янь Ци много разговаривали по дороге, так что не чувствовали усталости. Когда вдаль показались несколько деревенских домов, они поняли, что вступили на земли деревни Маэр.

Так как выжимка масла требовала времени, они сперва отправились в маслобойню семьи Ван, чтобы сдать конопляные семена. Если приносить свои, плата за выжимку составляла всего два вэня за цзинь, что выходило куда дешевле, чем покупать готовое масло.

Хо Лин отсчитал двадцать медных монет. Фулан семьи Ван, приняв деньги, с удивлением оглядел Янь Ци — лицо незнакомое, прежде его тут не видывали.

— Это кто у тебя? — спросил он.

— Мой фулан, его фамилия Янь, — ответил Хо Лин.

Фулан Ван на миг остолбенел. В соседних деревнях каждый знал, что второй сын из семьи Хо многие годы жил в одиночестве, и вот теперь, без шума и огласки, привёл в дом гера. На его лице тут же проступила вежливая приветливость:

— Так вот он какой, гер Янь.

Договорившись забрать масло позже, Хо Лин с Янь Ци направились дальше. Найти дом Ма Ху-цзы оказалось проще простого: достаточно было следовать за тянувшимся в воздухе густым запахом лекарственных трав.

Ма Ху-цзы, увидев, что вошли Хо Лин с Янь Ци, пригласил их в дом присесть.

— Пришли вы довольно рано, видно, что к этому делу относитесь со всей серьёзностью.

Какой доктор не любит таких послушных больных? Хуже всего те, что, боясь трат, уклоняются от лечения: маленькая болезнь затягивается, оборачивается тяжёлой и тогда уж поздно жалеть.

Пальцами он нащупал пульс гера, долго сосредоточенно слушал, затем слегка кивнул:

— Предыдущие снадобья больше принимать не нужно. Я выпишу тебе другой состав, принимать придётся около полумесяца, а там посмотрим.

Янь Ци, услышав сразу такой срок, попробовал спросить:

— Доктор, разве непременно нужно пить лекарства так долго?

Он хотел было сказать, что у него ведь нет серьёзной болезни, но Ма Ху-цзы лишь усмехнулся:

— Что, боишься горького вкуса?

Янь Ци хотел объяснить, что дело не в этом, но Хо Лин перебил его:

— Хорошее лекарство на вкус горькое. Слушайся дядю Ма.

— Верно, — продолжил Ма Ху-цзы, — только то, что я тебе прописываю теперь, на самом деле не слишком горько.

Он развернул бумагу, вывел несколько иероглифов и наставительно сказал Янь Ци:

— Не относись к своему здоровью легкомысленно. Возраст у тебя ещё небольшой, да и только-только вступил в брак, а тут есть свои тонкости, которых ты можешь и не понимать.

На этих словах он бросил взгляд на Хо Лина, намёк был совершенно очевиден.

— Надо помнить: некоторые вещи, как и брак, зависят от судьбы. Что должно прийти - придёт, торопить нельзя.

Янь Ци сперва не понял, о чём речь, а Хо Лин тоже на миг опешил, но вскоре догадался: Ма Ху-цзы, вероятно, намекал на детей. Ведь в глазах посторонних ясно: Хо Лину уже за двадцать, женился только теперь, естественно, все ждут, что он скорее заведёт наследников. В роду Хо из поколения в поколение рождался лишь по одному сыну. На нынешнем — Хо Фэне и Хо Лине — судьба дала двух мальчиков. Но у старшего, Хо Фэна, только дочь. Если Хо Лин не поспешит, то опять выйдет, что родовая линия прервётся.

Да ещё и супруг ему достался худой, болезненный, словно тростинка: даже если забеременеет, роды, пожалуй, станут для него смертельным испытанием.

Хо Лин заметил, что ничего не ведающий гер смотрит в растерянности, и не стал объяснять при постороннем, лишь спокойно сказал:

— Раз уж я дождался до этих лет, прежде чем жениться, значит, и в остальном спешить мне не к чему.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул Ма Ху-цзы, взглянув на него с уважением. Он пригладил пальцами свои усы. — Рецепт я уже выписал, подождите немного, я схожу соберу лекарство.

Прошло некоторое время, а лекарство всё ещё не было готово. В этот момент к воротам дома Ма подкатила ещё одна воловья повозка: шумно, в спешке, и увезла жену Ма Ху-цзы.

Янь Ци спросил Хо Лина, и тот пояснил: супруга Ма Ху-цзы — повитуха с родовым мастерством. Вот так они и сошлись: один лечит болезни, другая принимает роды. Эти слова словно подсказали Янь Ци, и только теперь он по-настоящему понял намёк, который Ма Ху-цзы сделал прежде. Лёгкая морщинка прорезала его лоб.

Геры изначально и без того рожали тяжелее, чем девушки, поэтому многие семьи при сватовстве неохотно брали геров, а если и брали, то выкуп всегда урезали на треть. А если вдруг его собственное чрево окажется бесплодным...

Хо Лин вдруг заметил, что у гера на лице появилось обеспокоенное выражение; ладонь его, хоть и не касаясь, всё же легла поверх одежды на живот. Хо Лин слегка прищурился, догадываясь о его мыслях.

— Я ведь не ради приличия сказал это Ма Ху-цзы, — тихо проговорил он. — Я действительно так думаю. И потом... говорить об этом сейчас всё равно слишком рано.

Янь Ци неловко коснулся уха. И в самом деле. Пусть это его первый брак, но и он понимал: если только спать рядом, ребёнка не получится. Тем более что у них даже одеяла разные.

В чужом дворе развивать разговор дальше было неудобно. Они замолчали и, сидя плечом к плечу на одной скамье, терпеливо ждали Ма Ху-цзы.

— Вот именно, вот именно.

Пока они сидели, со двора послышался знакомый голос. Хо Лин слегка вскинул бровь и поднял взгляд. Деревянная дверь открылась, и первым в дом вошёл высокий мужчина — и правда это оказался Лин Чансуй.

<http://bllate.org/book/13599/1205864>